

Къ проектамъ землеразстройства въ Сибири.

Сибирская печать и въ частности „Сиб. Вопр.“ отмѣтили въ свое время ту, поистинѣ „головокружительную, быстроту“, съ которой кн. Васильчиковъ совершилъ свою прогулку по Сибири въ цѣляхъ непосредственнаго ознакомленія съ постановкой переселенческаго дѣла на мѣстѣ.

Эта быстрота не помѣшала, однако, кн. Васильчикову не только все нужное ему въ деталяхъ „изслѣдовать и обслѣдовать“, но даже и возвратиться въ Петербургъ „съ рядомъ проектовъ по урегулированію переселенческаго дѣла въ Сибири“ въ будущемъ, какъ сообщалось объ этомъ въ газетахъ.

Какими проектами „лично изучившій вопросъ на мѣстѣ“ кн. Васильчиковъ осчастливить Сибирь, это покажетъ, нужно полагать, недалекое будущее, но объ общемъ ихъ характерѣ можно судить уже и теперь по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя проникли въ печать, и по тѣмъ фактамъ землеустроительной практики, которыми такъ обогатилась Сибирь за послѣдніе мѣсяцы.

Въ „Сиб. Жизни“ не такъ давно сообщалось, правда, какъ слухъ, но которому въ Томскѣ, повидимому, придаютъ серьезное значеніе,—что предполагается сократить крестьянское землепользованіе въ Сибири съ 15 десятинъ на 12, а полученные такимъ образомъ „излишки“ „обратить въ переселенческой земельный фондъ“. На этомъ проектѣ стоитъ остановиться.

Для человѣка, знакомаго съ Сибирью и условіями ея крестьянскаго хозяйства, ясно, что подобный проектъ могъ родиться лишь на почвѣ легкомыслія и полной неосвѣдомленности его авторовъ, въ соединеніи съ не менѣе полной увѣренностью ихъ въ безотвѣтственности, такъ какъ онъ замахивается на самыя основы благосостоянія сибирскаго трудового крестьянства. Подобный проектъ нельзя иначе назвать, какъ проектомъ землеразстройства Сибири, которое поведетъ къ обнищанію значительной части ея населенія, и не говоря уже о другихъ послѣдствіяхъ.

„Повиженіе существующей надѣльной нормы, говоритъ по этому поводу „Сибирь“, означаетъ ломку всего сложившагося уклада сибирской деревни. Старая норма, правда, не выработана научно, но многолѣтнее ея бытіе сообщило ей всю убѣдительность существующаго факта. Что же противопоставлено ей? Произведены ли новыя земельныя изслѣдованія, доказавшія смѣну старыхъ экстенсивныхъ формъ сибирскаго земледѣлія новыми, интенсивными? Ничего подобнаго,—это просто обычный экспериментализмъ нашей бюрократіи, намѣревающейся разсѣчь ею же самой запутанный узелъ. Созданное и всеми средствами поощряемое великое переселеніе народовъ въ Сибирь потерпѣло полную неудачу; огромная масса наобумъ выброшенныхъ крестьянъ не нашла здѣсь ни земли, ни помощи. Фактъ этотъ чреватъ тяжелыми послѣдствіями, и бремя его „землеустроители“ желали бы переложить съ собственныхъ плечъ на горбъ сибиряка-хлѣбороба: урѣзавъ владѣнія сибиряка, они надѣются пристроить какъ-нибудь переселенца* *).

Съ этимъ нельзя не согласиться, за исключеніемъ того положенія, что нынѣшняя норма надѣла имѣетъ своимъ основаніемъ лишь „многолѣтнее бытіе“, придающее ей „убѣдительность существующаго факта“. Это не такъ, конечно. Правда, 15-десятичная норма установлена для Сибири еще въ концѣ XVIII в., когда впервые былъ поднятъ вопросъ о подчиненіи алтайскихъ крестьянъ, находившихся въ завѣдываніи кабинетскаго вѣдомства, опредѣленному надѣлу. Предполагалось отводить на ревизскую душу по 7½ десятинъ пашни, 5 дес. покоса и 2½ выгона и усадебной земли. Въ прошедшемъ столѣтіи для крестьянъ на казенныхъ земляхъ Сибири былъ принятъ тотъ же 15-десятичный надѣлъ, а также 18 и 21-десятичный. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти нормы, выработавшіяся въ канцелярскихъ тайникахъ, оставались въ большинствѣ случаевъ лишь нормами на бумагѣ, крестьянство же пользовалось землей совершенно независимо отъ нихъ. Практически съ 15-десятичной нормой сибирское крестьянство стало знакомиться, сравнительно, недавно, укрѣпляясь же за нимъ она начала лишь со времени поземельнаго устройства въ Сибири, т. е. сравнительно очень недавно.

Дѣло не въ „многолѣтнемъ бытіи“ нормы надѣла, а въ томъ, что только при такой нормѣ все-таки сколько-нибудь обезпечивается хозяйство сибирскаго крестьянина и его если и не матеріальное благосостояніе, то нѣкоторая степень сы-

*) „Сибирь“, № 252.

тости. Поэтому то—и только поэтому—онъ и будетъ за нее держаться; только поэтому проектируемое пониженіе ея и можетъ вызвать ту „смуту“, о которой говорить „Сибирь“ въ цитируемой статьѣ и противъ которой предостерегаетъ господъ проектологовъ.

Для тѣхъ, у кого съ крестьянскимъ надѣломъ соединено представленіе о надѣлахъ бывшихъ помѣщичьихъ и другихъ разрядовъ крестьянъ по эту сторону Урала, можетъ показаться, что максимальный надѣлъ сибирскаго крестьянина—15 десятинъ на душу м. п.—и не вѣсть какъ великъ, а потому, пожалуй, сокращеніе его до 12 десятинъ не будетъ чѣмъ-то изъ ряда выходящимъ по своей несправедливости. Но подобная точка зрѣнія должна считаться результатомъ одного изъ тѣхъ заблужденій, говорить такъ много сложилось о Сибири.

Не говоря уже о томъ, что въ настоящее время далеко и далеко не всюду въ Сибири населеніе располагаетъ такимъ надѣломъ,—существуютъ цѣлые уѣзды, гдѣ средній крестьянскій надѣлъ значительно ниже, 15 десятинъ на душу,—далеко не такъ много, какъ можетъ казаться на первый взглядъ, если принять во вниманіе экстенсивность сибирскаго полеводства, уничтоженіе которой внѣ власти петербургскихъ канцелярій. Въ этомъ смыслѣ имѣющаяся научная литература о Сибири даетъ чрезвычайно любопытныя указанія.

Двадцать лѣтъ назадъ, въ цѣляхъ предстоявшаго поземельнаго устройства сибирскихъ крестьянъ, четыре губерніи Сибири—Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская—были подвергнуты особому статистико-экономическому обследованію, давшему богатѣйшій во многихъ отношеніяхъ матеріалъ, который и до сихъ поръ остается въ своей большей части неиспользованнымъ, какъ слѣдуетъ. Иркутскіе статистики, между прочимъ, попробовали выяснить *продовольственное* значеніе существовавшаго землепользованія сельскаго населенія Иркутской губ., гдѣ въ тѣ времена размѣръ землепользованія крестьянъ опредѣлялся въ дѣйствительности не казенными нормами надѣла, хотя бы и относительно высокими, а лишь степенью хозяйственной мощи и предприимчивости самого крестьянства.

Что же оказывается? Для того, чтобы добыть себѣ хлѣбъ насущный въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. чтобы получить растительной пищи, достаточной для прокормленія только населенія—по 31 пудъ ржи на „ѣдока“, если всю растительную пищу перевести на рожь,—то крестьянамъ трехъ обследованныхъ уѣздовъ губ.—Иркут., Балаган. и Нижнеуд.—нужно въ среднемъ имѣть въ запашкѣ на хозяйство 6,8 десятины; въ дѣйствительности же они имѣли по 10,9 десятины, т. е. на 4,1 десятины больше. Потребленіе хлѣба составитъ 61% производимаго хлѣба *). Чтобы эти цифы приобрѣли наибольшую наглядность, нужно сказать еще вотъ что: въ крестьянскомъ бюджетѣ расходъ на растительную пищу, или что то же, на хлѣбъ, составляетъ только 20,7% всѣхъ расходовъ, расходъ же на все продовольствіе, т. е. и на животную пищу, на чай, сахаръ и проч., составляетъ 36,9% бюджета **). А это значитъ, что если наличной запашки въ Иркутской губ. съ значительнымъ излишкомъ хватало для полученія нужнаго для прокорма хлѣба, то ея едва-едва хватаетъ для извлеченія изъ нея средствъ для полнаго продовольствія.

Землепользованіе даетъ доходъ не только черезъ одно полеводство, т. е. не только черезъ пашнепользованіе, но также черезъ пользованіе выгонными и сѣнокосными угодьями лѣтомъ и т. п. Но велики ли эти доходы? Не считая потребляемаго количества молочныхъ продуктовъ самимъ населеніемъ, доходы отъ скотоводства въ бюджетѣ ирк. крестьянина составляютъ лишь 4,4%! Считая же и потребляемые молочные продукты, доходъ этотъ повысится на 2—3%, и только ***).

Такъ вотъ та степень обезпеченія, какую давало иркутскому крестьянину его фактическое землепользованіе 20 лѣтъ назадъ, т. е. тогда, когда оно не было стѣснено обязательными нормами, введенными впоследствии землеустройствомъ, когда не было и 15-десятинной нормы, какъ высшей допустимой для него теперь.

*) Матеріалы по изслѣд. землепольз. и быта сельскаго населенія Ирк. губ., т. II, вып. 4, стр. 118.

**) Тамъ же, вып. 5, стр. 224.

***) Тамъ же, стр. 221.

Ту же, несомнѣнно, въ общемъ картину представили бы и другія сибирскія губерніи, съ тою разницей, что въ однѣхъ она была бы болѣе яркой и выразительной, въ другихъ—менѣе, но общій тонъ ея, общій характеръ былъ бы одинъ и тотъ же. Сибирское многоземелье, какъ и сибирскій просторъ, такъ сильно смущающій мундирныхъ путешественниковъ, „изучающихъ“ Сибирь изъ окна курьерскаго поѣзда, весьма и весьма обмѣнчивы.

Но вѣдь это было 20 лѣтъ назадъ. Теперь положеніе иркутскаго, какъ и вообще сибирскаго крестьянина, во многомъ ухудшилось не только потому, что его въ теченіе десяти лѣтъ „устраняють“ въ земельномъ отношеніи, но даже и вслѣдствіе естественнаго прироста населенія:—на каждую единицу современнаго сельскаго населенія той же Иркутской губ. теперь приходится меньше культурной площади, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, т. к. поперекъ новыхъ расчистокъ лѣса подъ пашни и сѣнокосы легли лѣсныя правила министерства.

Ничего этого знать не хотятъ гг. проектологи: для нихъ все ясно и безъ знаній, безъ малѣйшаго усилія вниманія, безъ напряженія мысли. Они совершенно не принимаютъ въ соображеніе смуты, которую внесетъ въ жизнь сибирскаго крестьянства посягательство на то, что онъ считаетъ своимъ законнымъ и неотъемлемымъ правомъ. Но что изъ этого можетъ выйти?

С. Швецовъ.

Положеніе политическихъ ссыльныхъ въ Тобольской губ.

(Окончаніе. См. № 32).

Эта трагедія была и въ ссылкѣ прежняго времени, но тогда она сказывалась значительно слабѣе: культурный уровень прежней ссылки былъ значительно выше, люди, входившіе въ ея составъ, были крѣпче и выносливѣе духомъ, и потому приспособляться къ новымъ условіямъ они лучше умѣли.

Не то теперь. Легче всего переносятъ ссылку люди, имѣющіе склонность и привычку къ теоретической умственной